75 ПОБЕДА! 1945–2020

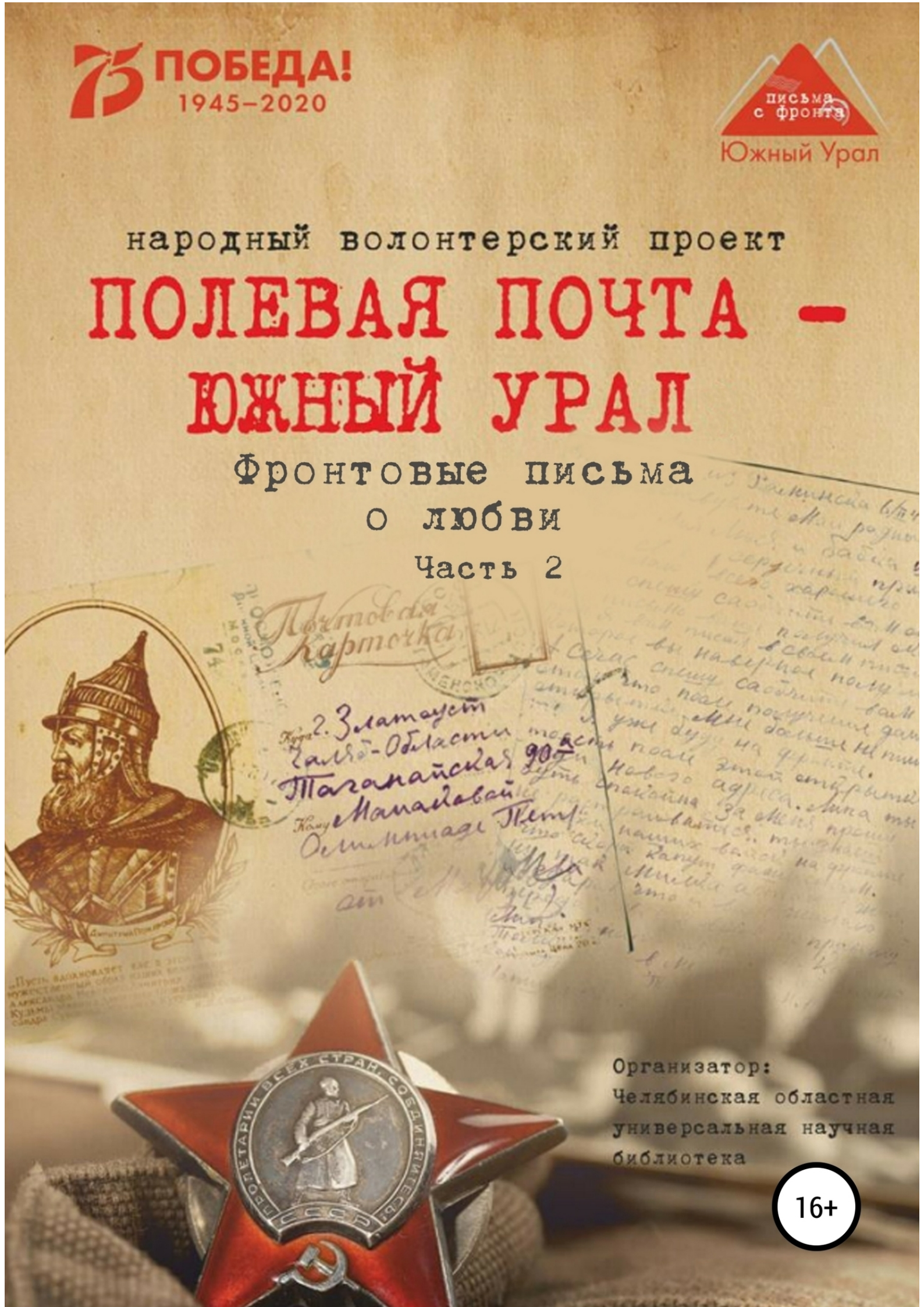
письма с фронта
Южный Урал

народный волонтерский проект

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА – ЮЖНЫЙ УРАЛ

Фронтовые письма о любви

Часть 2



Организатор:
Челябинская областная универсальная научная библиотека

16+

Анна Симонова

Полевая почта – Южный Урал. Фронтовые письма о любви. Часть 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Симонова А. Н.

Полевая почта – Южный Урал. Фронтовые письма о любви. Часть 2 / А. Н. Симонова — «ЛитРес: Самиздат», 2020 — (Полевая почта – Южный Урал)

Серия электронных книг подготовлена Челябинской областной универсальной научной библиотекой и стала результатом реализации проекта по оцифровке коллекции из более чем 500 писем, почтовых карточек и фрагментов дневников южноуральцев – участников Великой Отечественной войны. Одиннадцатая книга серии содержит документы, переданные О. Ю. Кушниренко. Перед нами вторая часть истории настоящей любви и искренних чувств. Через судьбы отдельных людей публикация писем с фронта становится документальным свидетельством эпохи, своеобразным эпистолярным наследием. Книга адресована широкому кругу читателей.

© Симонова А. Н., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

От составителей

Издание представляет собой серию книг, подготовленных Челябинской областной универсальной научной библиотекой по материалам народного волонтерского проекта «Полевая почта – Южный Урал» (письма с фронта 1941–1945 гг.), посвященного 75-летию Победы в Великой Отечественной войне.

В целом книги содержат более 500 писем, открыток с фронта (в том числе письма на старотатарском, чувашском, латинском языках, письма, написанные арабской вязью), переданных жителями г. Челябинска и Челябинской области организаторам проекта. Каждое письмо представлено в виде отсканированного оригинала документа и перепечатанной версии письма в текстовом редакторе. Организаторами проекта принято решение сохранить стилистику и орфографию авторов, подчеркнув тем самым историческую значимость данных артефактов более чем 70-летней давности.

Первые книги серии содержат письма, систематизированные в хронологическом порядке по дате отправления письма адресату: 1941, 1942, 1943, 1944, 1945 гг. Внутри каждого периода письма также сгруппированы хронологически (январь–декабрь).

Книга «Документы военной эпохи» знакомит с письмами, дату написания которых установить не удалось, материалами невоенных лет, открытыми письмами из газет и дневниками участников войны.

Последние книги серии – «Фронтовые письма о любви». Это история настоящей любви и искренних чувств. Документы – более 50 писем, в т. ч. несколько открыток, – переданы О. Ю. Кушниренко для публикации в серии.

Электронные издания не претендуют на исчерпывающую полноту охвата исторического материала: они включает все, что удалось собрать организаторам проекта.

Составители выражают признательность за оказанную поддержку и помощь партнерам проекта – Министерству культуры Челябинской области, Общественной палате Челябинской области, Региональному отделению ООД «Бессмертный полк России» в Челябинской области, Компании ЛитРес и издательской платформе ЛитРес:Самиздат, Центральным городским и районным библиотекам Челябинской области, Челябинскому областному Совету ветеранов, Конгрессу татар Челябинской области, Общественному движению «Наш Челябинск», вузам и образовательным учреждениям г. Челябинска и Челябинской области, Ассоциации волонтеров Южного Урала.

Благодарим челябинцев и жителей области за неравнодушие и отклик, за каждый сохраненный фронтовой треугольник. Письма написаны в окопе между боями, по пути на фронт, в воронке от бомбы, в госпитале. Они адресованы родным и близким не только из городов области – Челябинска, Магнитогорска, Миасса, Карабаша, Троицка, Коркино, Копейска, Верхнего Уфалея, Озерска, – но и из южноуральской глубинки.

О чем эти письма? В них – дыхание войны и тревога о близких и детях, уважительное и доброе отношение к матери, женщине, подруге; солдатские будни и бесконечная вера в Победу. Письма с фронта помогают понять, как выстояли и победили наши деды и прадеды, как жили их матери, жены и дети. Написанные простым бесхитростным языком они по сути – о большой любви к самому дорогому для сердца солдата: семье и Родине.

У каждого солдатского треугольника своя судьба. Для многих обладателей писем – это последняя весточка с фронта от близкого человека. Письма с фронта сегодня –не просто переписка, не только уникальный исторический документ и живая история фронтовой повседневности, но и важное свидетельство огромной нравственной силы народа и нашей памяти о великом подвиге и Великой Победе.

Фронтовые письма о любви

Предисловие

В этом сборнике собраны письма, написанные во время самой бесчеловечной Второй мировой войны. В книге письма о любви, самом прекрасном человеческом чувстве. Прочитав эти письма, вспоминаются слова Ромена Роллана: «Любовь стоит ровно столько же, сколько человек, её испытывающий». Фронтовые письма о любви моей маме Мясниковой Л. Ф. (Кушниренко Л. Ф.) писал старший лейтенант Лесюков С. Д.

Первое письмо было датировано 20 ноября 1943 года. Всего писем было 56. Последнее письмо с фронта послано 18 ноября 1944 года старшиной взвода В. Ярчуком (он был единственный, кто выжил в бою), где был командиром старший лейтенант Лесюков С. Д. В письме сообщалось, что он погиб вместе с 22 его сослуживцами 31 октября 1944 года в Западной Польше на Висле.

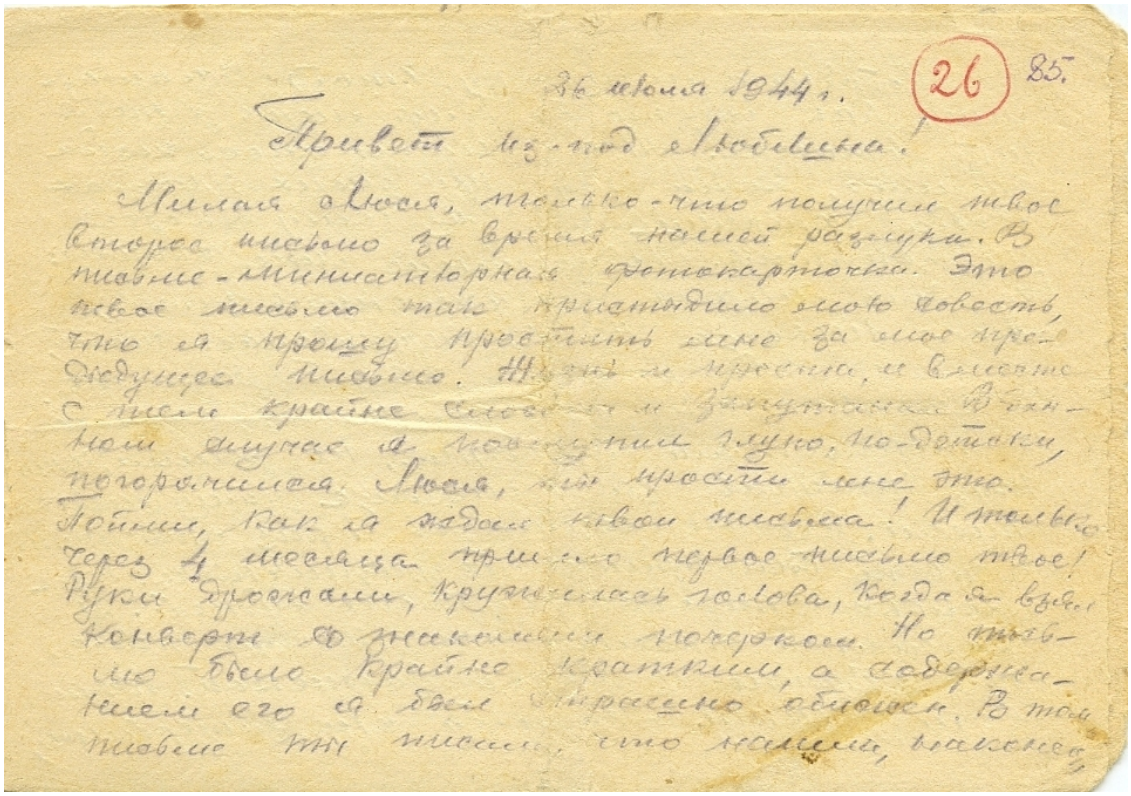
Мама хранила всю жизнь эти письма и просила их опубликовать только после своей смерти. Мамуля умерла 6 июня 2017 года в возрасте 92 года. Выполняю её волю, я решил опубликовать эти письма отдельной книгой. Вечная память моей маме и её друга ст. лейтенанта Лесюкова С.Ф. Мой отец Кушниренко Ю.Д. канд. сх/наук. Был 18 лет директором южноуральского научного института земледения в поселке Тимирязевский Чебаркульского района Челябинской области). Он знал и читал письма. Хранил их в специальной папке с пометкой «Хранить вечно».

Опубликовать письма решил её сын Кушниренко Олег Юрьевич (доктор медицинских наук.). Оригиналы писем находятся в «Государственном историческом музее Южного Урала» г. Челябинска.

Единственная фотография ст. лейтенанта С. Д. Лесюкова

Фото Кушниренко Л. Ф. (Мясниковой Л. Ф.)

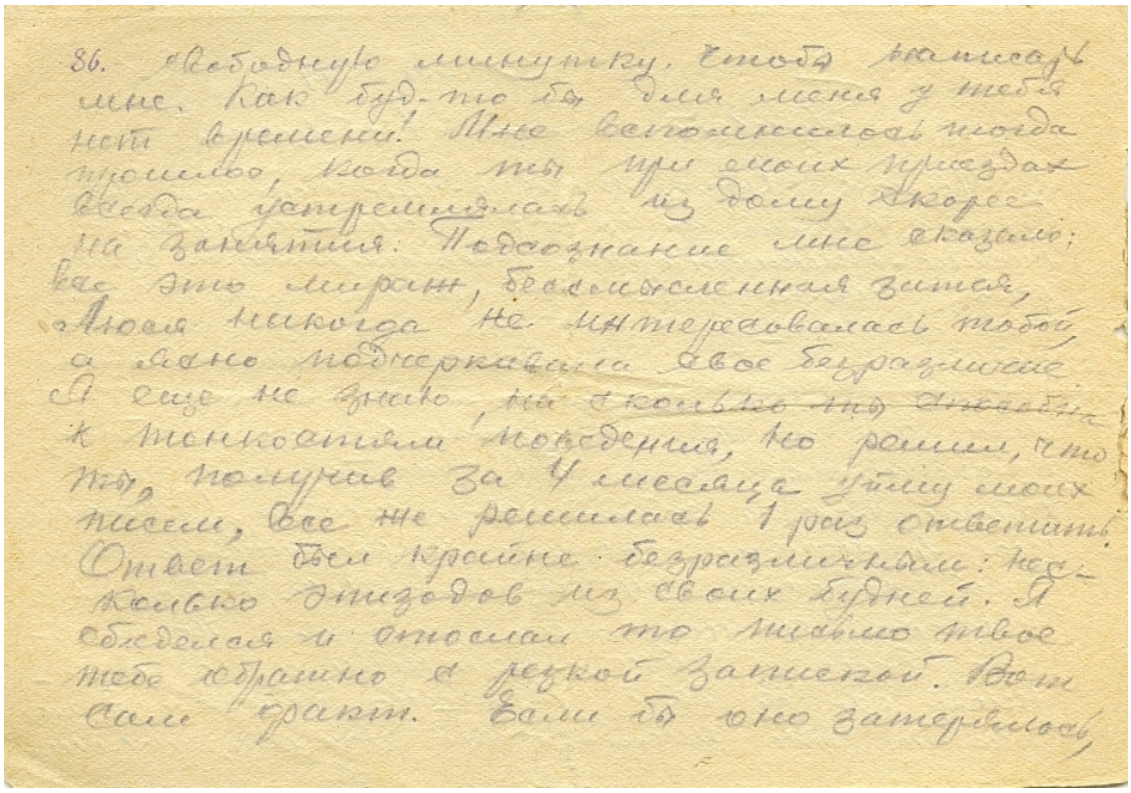
Письмо от 26 июля 1944 года



26 июня 1944 г. (26) 85.

Привет из-под Любани!

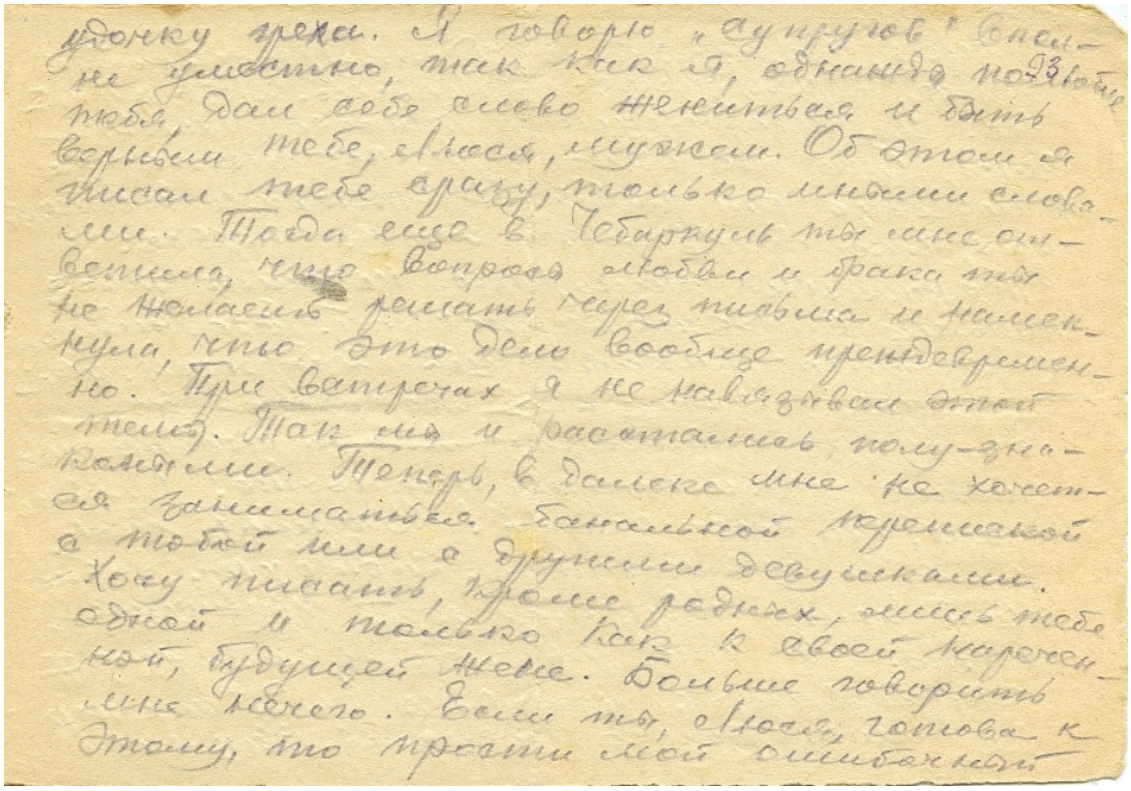
Милая Люся, только-что получил твое второе письмо за время нашей разлуки. В письме-миниатюрная крепокарточка. Это новое письмо так приятно мою совесть, что я прошу простить мне за мое предыдущее письмо. Ну ты и просто, и вместе с тем крайне смешна и запутанна. В данном случае я поступил глупо, по-детски, погорячился. Люся, как просить мне это. Любим, как я ждал твои письма! И только через 4 месяца пришло первое письмо твое! Руки дрожали, кружилась голова, когда я взял конверт со знакомым почерком. Но письмо было крайне кратким, а содержанием его я был страшно обижен. В том письме ты писала, что нашли, наконец,



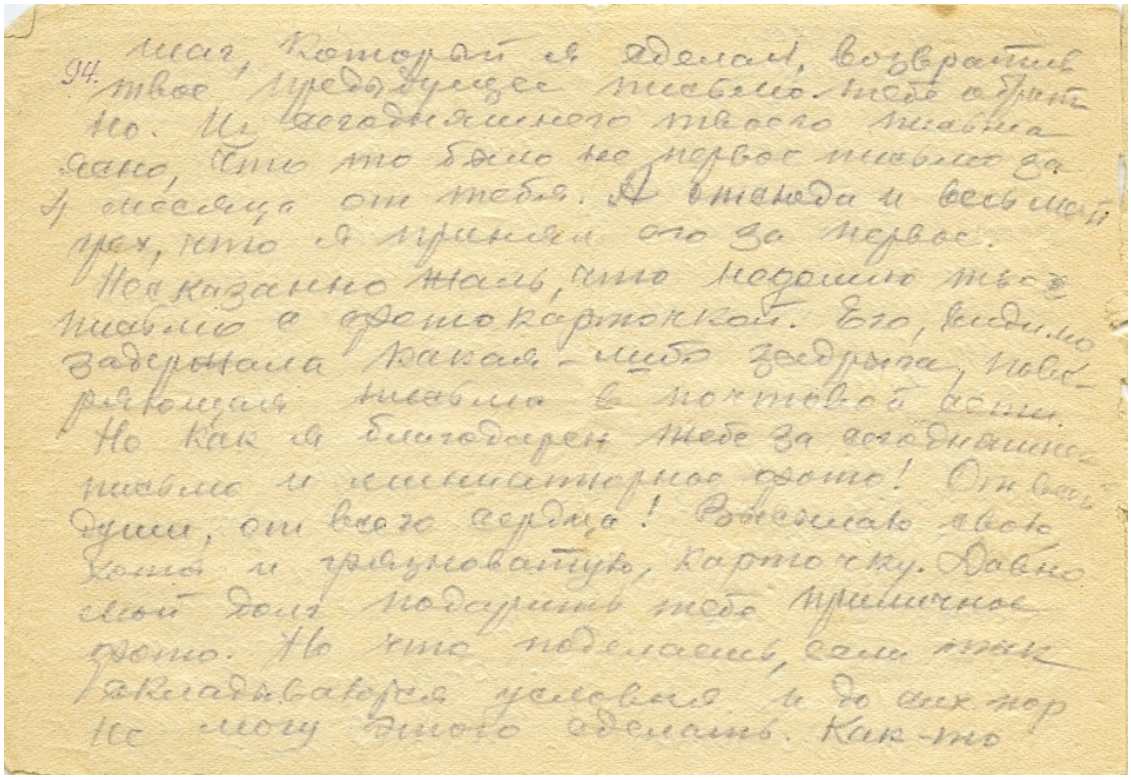
86. свободную минутку, чтобы написать мне. Как будто бы для меня у тебя нет времени! Мне вспоминалась иногда тоненькая, когда ты при своих приездах всегда устремлялась из дому скорее на занятия. Подсознание мне сказало: вас это мираж, бесполезная затея, Люся никогда не интересовалась тобой, а явно подчеркивала свое безразличие. Я еще не знаю, на сколько это отвечает к тонкостям поведения, но решил, что ты, получив за 4 месяца уйму моих писем, все же решилась 1 раз ответить. Ответ был крайне безразличным: несколько эпизодов из своих будней. Я обиделся и отослал то письмо твое тебе обратно с резкой запиской. Вот сам факт. Вам бы оно затерялось,

но было бы „wszystko w porządku" (все в порядке, по-польски). Но злополучная почта как-раз теряет хорошие письма, а такие именно доставляет со аккуратной точностью. И ты, Нюся, видимо, уже получила мою письмо с моей запиской. Не хочу знать, какие мысли и чувства это вызвало у тебя. Хочу, чтобы ты искренно простила мою опрометчивость и забыла этот факт ~~навсегда~~. Тебе должен быть знаком закон человеческой души. Обратной стороной любви к тебе является моя ревность, что аукнулась! Я не ахти какая завидная личность ради смертных и при таком состоянии решил, что кто-то другой за это время занял твоим другом. От этого не удержишь тебя, если на то пойдет. Да и удер-

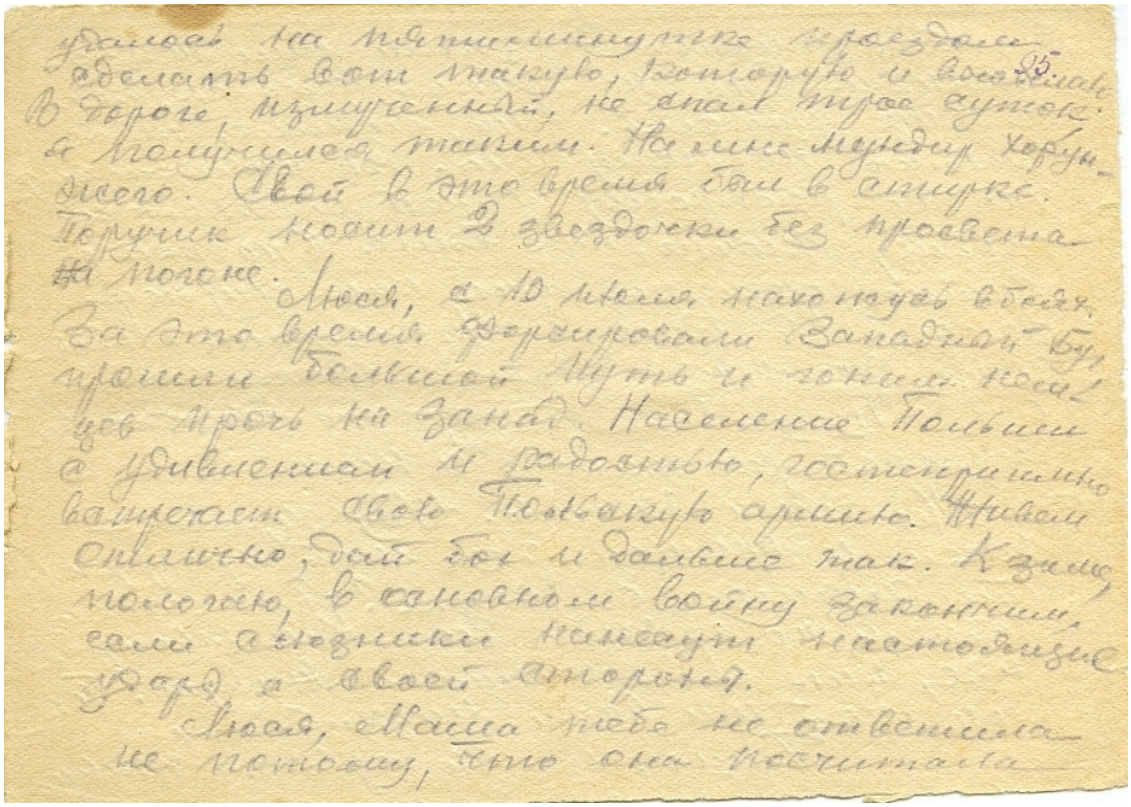
88 живать бесполезно. Наша дружба и любовь друг к другу, как и у всех людей, может быть прочной и долговечной лишь на основе окончательного и бесповоротного решения принадлежать и быть навсегда только я для тебя а ты для меня. Это решение мы должны подкреплять всякий раз, как только возникнет возможность изменить друг другу, максимальным напряжением всех усилий воли не поддаваться никаким даже небесным, аккуратным искушениям. В этом, по-моему, вся тайна столь редкой в наше время преданности до конца супругов. Как только мы окажемся безвольными, то тут и пойдем на



удочку грехи. Я говорю «супругов» сомнительно, так как я, однажды полюбив тебя, дал себе слово жениться и быть верным тебе, милая, мужем. Об этом я писал тебе сразу, только иными словами. Тогда еще в Чебаркуль ты мне ответила, что вопроса любви и брака ты не желаешь решать через письма и намекнула, что это дело вообще преждевременно. При встречах я не навязывал этой темы. Так мы и расстались полузнакомыми. Теперь, в далеке мне не хочется заниматься банальной перепиской с тобой или с другими девушками. Хочу писать, кроме родных, лишь тебе одной и только как к своей невесте, будущей жене. Больше говорить мне нечего. Если ты, милая, готова к этому, то прости мой ошибки.



94. мая, которой я сделал, возвратив твое предыдущее письмо. Тебе обратно. И сегодняшнего твоего письма дано, что это было не первое письмо за 4 месяца от тебя. А вчера и весьма рад, что я принял его за первое.
Не сказанно жаль, что нехорошо твое письмо с фотокарточкой. Его, видимо задержала какая-либо задержка, новый-ревнующий письма в почтовой конт.
Но как я благодарен тебе за сегодняшнее письмо и миниатюрное фото! От всей души, от всего сердца! Рассмотрю твою хорошую и грустноватую карточку. Давно свой долг подарить тебе приличное фото. Но что поделаешь, если так складываются условия и до сих пор не могу этого сделать. Как-то

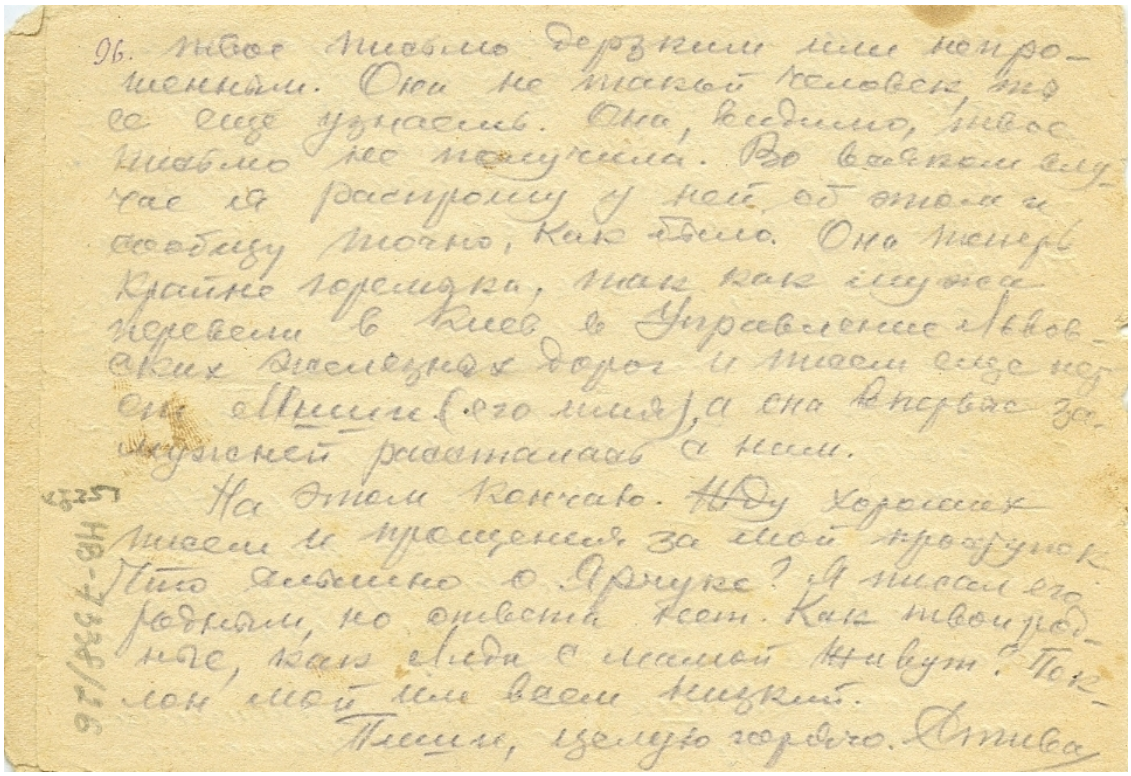


25.

удалось на пятиминутке проздоров-
аться. Вот такую, которую и восстанав-
в дорогу измученный, не спал трое суток.
я получился таким. На мне мундир хорун-
жего. Свой в это время был в стирке.
Поручик носит 2 звездочки без просвета
на погоне.

Люся, с 10 июля нахожусь в боях.
За это время форсировали Западный Буг,
прошли большой путь и гоним нем-
цев прочь на Запад. Население Польши
с удивлением и радостью, гостеприимно
встречает свою Польскую армию. Живем
отлично, бой бы и дальше так. Кажется,
положено, в основном войну закончим,
сами сволочи наносят настоящие
удары в свой адрес.

Люся, Маша тебе не ответила
не потому, что она посчитала



96. твое письмо дерзким или непро-
щенным. Она не такой человек, что
со мне узнаешь. Она, видимо, твое
письмо не получила. Во всяком слу-
чае я расспрошу у нее об этом и
сообщу точно, как было. Она теперь
крайне горемыка, так как ехала
пешком в Киев в Управление Львов-
ских железных дорог и писем еще не
от Миши (его имя), а она впервые за-
нервничает расставаясь с ним.

На этом кончаю. Жду хороших
писем и прощения за мой проступок.
Что слышно о Ярике? Я писем его
получил, но ответа нет. Как твои дела,
как семья с мамой живут? Поклон мой мне всем пишите.

Пишите, целую горячо. Алеша

26 июля 1944 года

Привет из-под Люблина!

Милая Люся, только что получил твоё второе письмо за время нашей разлуки. В письме – миниатюрная фотокарточка. Это твоё письмо так пристыдило мою совесть, что я прошу простить мне за моё предыдущее письмо. Жизнь и проста, и вместе с тем крайне сложна и запутанна. В данном случае я поступил глупо, по-детски, погорячился. Люся, ты прости мне это. Пойми, как я ждал твои письма! И только через 4 месяца пришло первое письмо твоё! Руки дрожали, кружилась голова, когда я взял конверт со знакомым почерком. Но письмо было крайне кратким, а содержанием его я был страшно обижен. В том письме ты писала, что нашла, наконец, свободную минутку, чтобы написать мне. Как будто бы для меня у тебя нет времени! Мне вспомнилось тогда прошлое, когда ты при моих приездах всегда устремлялась из дому скорее на занятия. Подсознание мне сказало: все это мираж, бессмысленная затея, Люся никогда не интересовалась тобой, а ясно подчеркивала своё безразличие. Я еще не знаю, насколько ты способна к тонкостям поведения, но решил, что ты, получив за 4 месяца уйму моих писем, все же решилась 1 раз ответить. Ответ был крайне безразличным: несколько эпизодов из своих будней. Я обиделся и отослал то письмо твоё тебе обратно с резкой запиской. Вот сам факт. Если бы оно затерялось, то было бы всё в порядке (написано на польском). Но злополучная почта как раз теряет хорошие письма, а такие именно доставляет со сказочной точностью. И ты, Люся, видимо, уже получило то письмо с моей запиской. Не хочу знать, какие мысли и чувства это вызвало у тебя, хочу чтобы ты искренно простила мою опрометчивость и забыла этот факт навсегда. Тебе должно быть, знакомы законы человеческой души. Обратной стороной любви к тебе является моя ревность, что скрывать! Я не ахти какая завидная личность среди смертных и при таком состоянии решил, что кто-то другой за это время стал тебе другом. От этого не удержишь тебя, если на то пойдет. Да и удерживать бессмысленно. Наша дружба и любовь друг к другу, как и у всех людей, может быть прочной и долговечной, лишь на основе окончательного и бесповоротного решения принадлежать и быть навсегда только я для тебя, а ты для меня. Это решение мы должны подкреплять всякий раз, как только возникает возможность изменить друг другу, максимальным напряжением всех усилий воли не поддаваться никаким даже небесным, сказочным искусителям. В этом, по моему, вся тайна столь редкой в наше время преданности до конца супругов. Как только мы окажемся безвольными, тотчас попадем на удочку греха. Я говорю «Супругов» вполне уместно, так как я, однажды полюбив тебя, дал себе слово жениться и быть верным тебе, Люся, мужем. Об этом я писал тебе сразу, только иными словами. Тогда еще в Чебаркуле ты мне ответила, что вопросы любви и брака ты не желаешь решать через письма и намекнула, что это дело вообще преждевременно! При встречах я не навязывал этой темы. Так мы и расстались, полузнакомыми. Теперь, в далеке мне не хочется заниматься банальной перепиской с тобой или с другими девушками. Хочу писать, кроме родных, лишь тебе одной, и только как своей, нареченной, будущей жене. Больше говорить мне нечего. Если ты, Люся, готова к этому, то прости мой ошибочный шаг, который я сделал, возвратив твоё предыдущее письмо тебе обратно. Из сегодняшнего твоего письма ясно, что то было не первое письмо за четыре месяца от тебя. А отсюда и весь мой грех, что я принял его за первое. Несказанно жаль, что не дошло твоё письмо с фотокарточкой. Его, видимо, задержала какая-либо задрыга, проверяющая письма в почтовой сети. Но как я благодарен тебе за сегодняшнее письмо и миниатюрное фото! От всей души, от всегда сердца! Высылаю свою, хотя и грязноватую карточку. Давно мой долг подарить тебе приличное фото. Но что поделаешь, если так раскладываются условия, и до сих пор не могу этого сделать. Как-то удалось на пятиминутке проездом сделать вот такую, которую и высылаю. В дороге, измученный, не спал трое суток и получился таким. На мне мундир хорунжего. Свой в это время был в стирке. Поручик носит две звездочки без просвета на погоне.

Люся, с 10 июня нахожусь в боях. За это время форсировали Западный Буг, прошли большой путь и гоним немцев прочь на запад. Население Польши с удивлением и радостью,

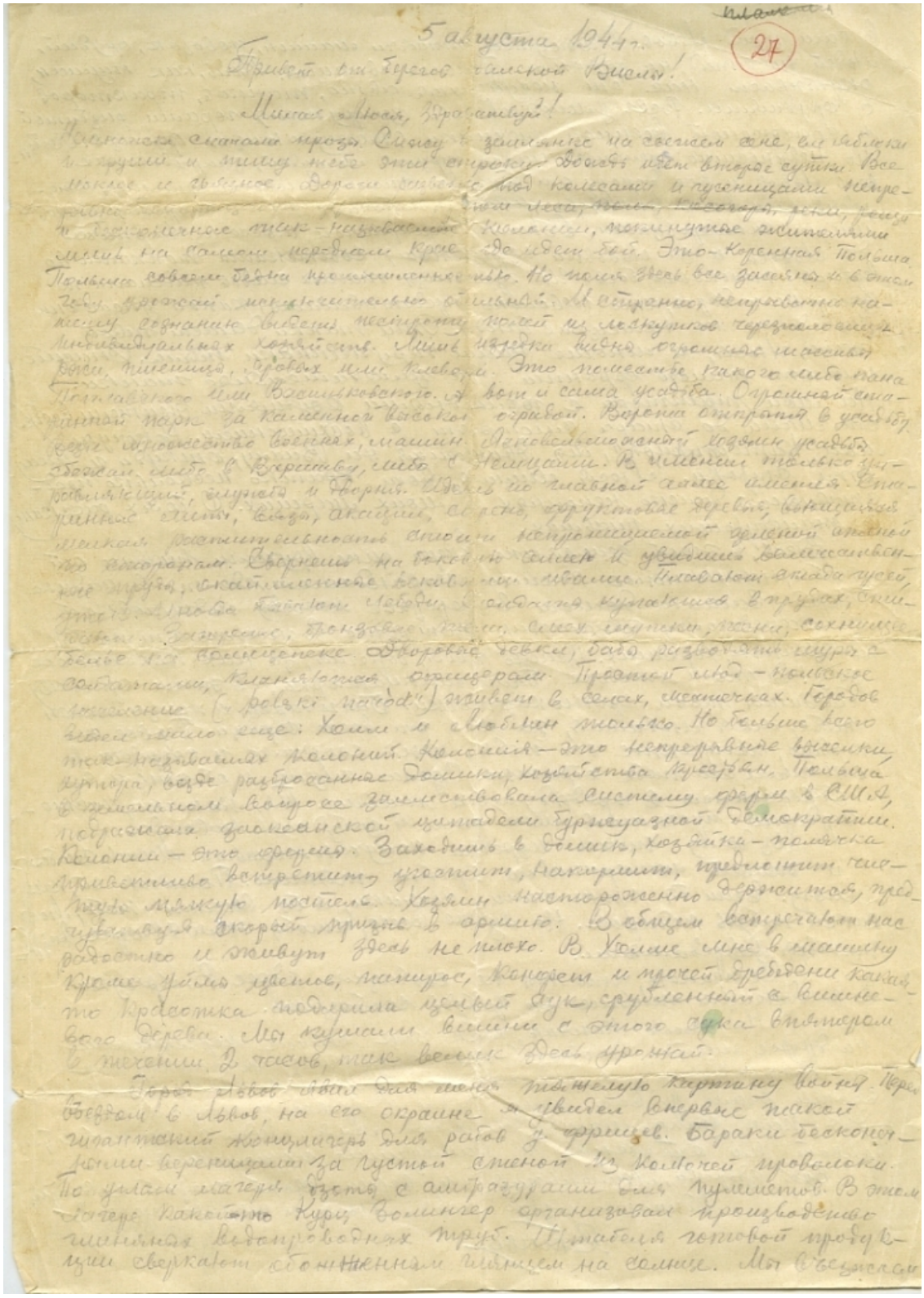
гостеприимно встречает свою польскую армию. Живем отлично, дай Бог и дальше так. К зиме, полагаю, в основном войну закончим, если союзники нанесут настоящие удары со своей стороны.

Люся, Маша тебе не ответила не потому, что она посчитала твоё письмо дерзким или непрошенным. Она не такой человек, ты её еще узнаешь. Она, видимо, твоё письмо не получила. Во всяком случае, я расспрошу у ней об этом и сообщу точно, как было. Она теперь крайне горемыка, так как мужа перевели в Киев, в Управление Львовских Железных дорог, и писем ещё нет от Миши (его имя), а она впервые замужней рассталась с ним.

На этом кончаю. Жду хороших писем и прощения за мой проступок. Что слышно о Ярчуке? Я писал его родным, но ответа нет. Как твои родные, как Лида с мамой живут? Поклон мой им всем низкий.

Пиши, целую горячо. Стива

Письмо от 5 августа 1944 года



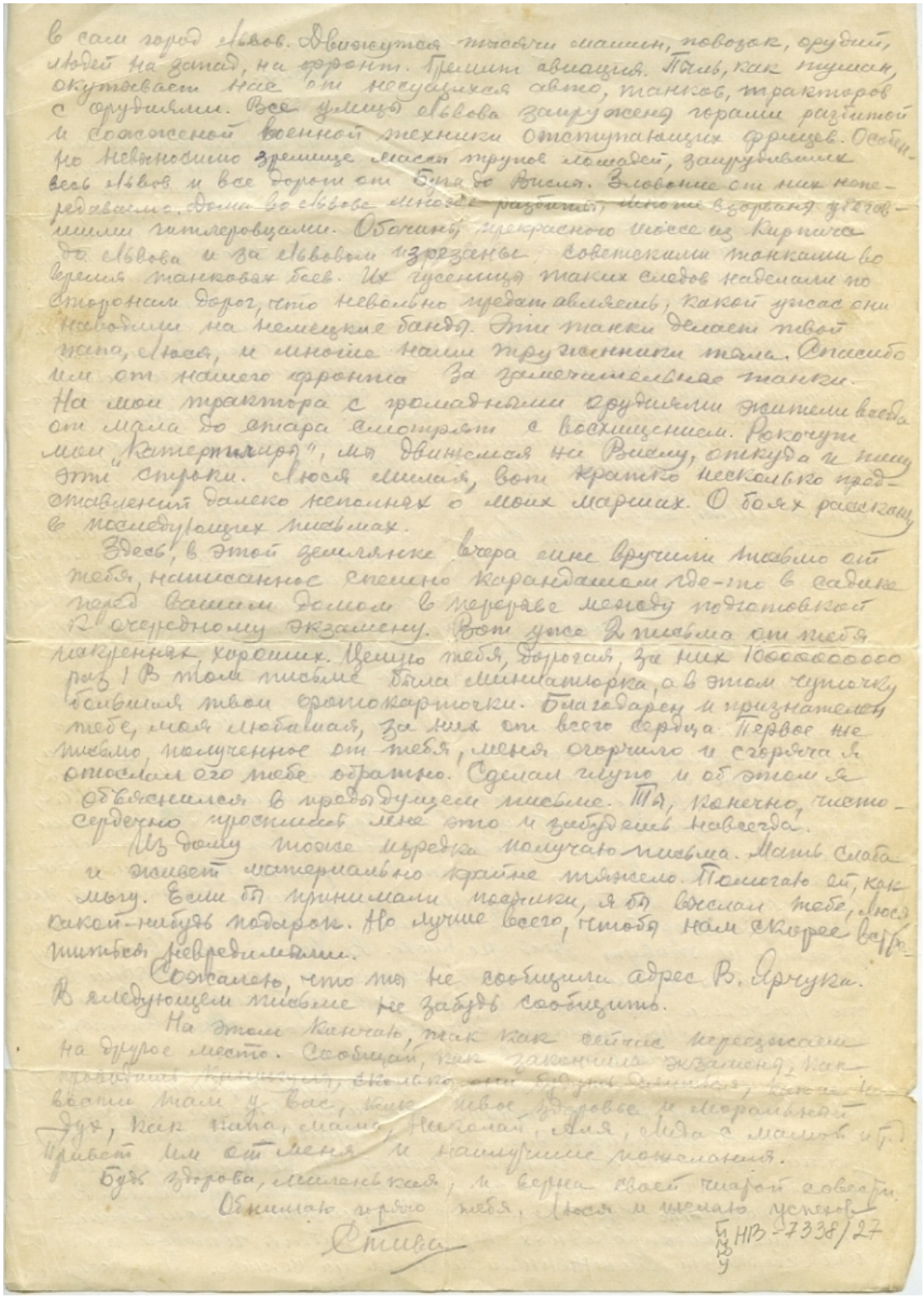
5 августа 1944 г.

27

Привет от берегов чешской Вислы!

Милая Мося, здравствуй!

Пишу тебе с полным прозы. Снову замечаешь на свежей зеле, ни яблоки и груши и шлю тебе эти строки. Вот уже вторые сутки. Все поле и сады, дороги [illegible] под колесами и гусеницами непрерывной лавы, [illegible], реки, реки. Колонны, погнутые эвакуации до идет бой. Это – Коренная Польша. Но пока здесь все засеяно и в этом убедительно. На встречу, непрерывно наплывает из лежащих чрезвычайно изредка видна огромные населенные пункты. Это поместье какого либо пана вот и сама усадьба. Огромный старинный парк за каменной высокой оградой. Ворота открыты в усадьбу всего множество военных, машин. Легковые хозяин усадьбы обозы либо в Вкрытьи, либо в Немцами. В имении только управляющий, слуги и дворня. Видны по главной аллее аллеями. Старинные стены, вязы, акации, сосны, фруктовые деревья, вокруг большая растительность аллеи непрошенной армией этой эвакуации. Сворачиваем на боковую аллею и увидели [illegible] пруды, скотный двор, [illegible] [illegible] [illegible]



в сам город Львов. Движутся тысячи машин, повозок, орудий, людей на запад, на фронт. Тревожит авиация. Почти, как пушки, окутывает нас от несущихся авто, танков, тракторов с орудиями. Все улицы Львова загружены горами разбитой и сожженной военной техники отступающих фрицев. Особенно невыносимое зрелище масса трупов лошадей, загрязнивших весь Львов и все дороги от Буга до Вислы. Зловоние от них непередаваемо. Дома во Львове многие разбиты, некоторые взорваны дикими гитлеровцами. Обочины прекрасного шоссе из Кирпича до Львова и за Львовом изрезаны советскими танками во время танковых боев. Их гусеницы таких следов набили по сторонам дорог, что невольно предстанешь, какой ужас они наводили на немецкие банды. Эти танки делает твой папа, Люся, и многие наши трудящиеся тыла. Спасибо им от нашего фронта за замечательные танки. На мои трактора с громадными орудиями жители всегда от мала до стара смотрят с восхищением. Рокочут мои „Катерпиллеры", мы движемся на Вислу, откуда и пишу эти строки. Люся милая, вот кратко несколько представлений далеко неполных о моих маршах. О боях расскажу в последующих письмах.

Здесь, в этой землянке вчера мне вручили письмо от тебя, написанное спешно карандашом где-то в садике перед вашим домом в перерыве между подготовкой к очередному экзамену. Вот уже 2 письма от тебя получены хороших. Целую тебя, дорогая, за них 1000000000 раз! В том письме была миниатюрка, а в этом чулочки, бывшие твои фрипокарпочки. Благодарен и признателен тебе, моя любимая, за них от всего сердца. Первое не письмо, полученное от тебя, меня огорчило и сгоряча я отослал его тебе обратно. Сделал глупо и об этом я объяснился в предыдущем письме. Ты, конечно, чисто-сердечно простишь мне это и забудешь навсегда.

Из дому тоже изредка получаю письма. Мать слаба и живет материально крайне тяжело. Помогаю ей, как могу. Если бы принимали посылки, я бы выслал тебе, Люся, какой-нибудь подарок. Но лучше всего, чтобы нам скорее вернуться невредимыми.

Сожалею, что мы не сообщили адрес В. Ручука. В следующем письме не забудь сообщить.

На этом кончаю, так как сейчас переезжаем на другое место. Сообщай, как закончила экзамены, как [illegible] сколько от будущей домашней [illegible] вести там у вас, как твое здоровье и моральный дух, как папа, мама, Николай, Аня, Лида с мужем и т.д. Привет им от меня и наилучшие пожелания.

Будь здорова, миленькая, и верни своей чарой с вестью.

Обнимаю крепко тебя, Люся и желаю успехов.

Стиф

НВ-7338/27

5 августа 1944 года

Привет от берегов далекой Вислы!

Милая Люся, здравствуй!

Немножко сначала прозы. Сижу в землянке на свежем сене, ем яблоки и груши и пишу тебе эти строки. Дождь идёт вторые сутки. Все мокрое и грязное. Дороги размыло под коле-

сами и гусеницами непрерывно идущей техники. Кругом леса, поля, косогоры, реки, рощи, и бесконечные так называемые колонии, покинутые жителями на самом переднем крае, где идёт бой. Это – коренная Польша. Польша совсем бедна промышленностью. Но поля здесь все засеяны и в этом году урожай исключительно обильный. И странно, непривычно нашему сознанию видеть пестроту полей из лоскутков через полосицы индивидуальных хозяйств. Лишь изредка видны огромные массивы ржи, пшеницы, яровых или клевера. Это поместье какого – либо пана Поплавского или Васильковского. А вот и сама усадьба. Огромный старинный парк за каменной высокой оградой. Ворота открыты в усадьбу. Везде множество военных, машин. Ясновельможный хозяин усадьбы сбежал либо в Варшаву, либо с немцами. В имении только управляющий, службы и дворня. Идёшь по главной аллее имения. Старинные липы, вязы, акации, сирень, фруктовые деревья, вьющаяся мелкая растительность стоит непроницаемой зеленой стеной по сторонам. Свернешь на боковую аллею и увидишь величественные пруды, окаймленные вековыми ивами. Плавают стада гусей, уток. Иногда бывают лебеди. Солдаты купаются в прудах, стирают. Загорелые, бронзовые ребята, смех, шутки, песни, сохнущее белье на солнцепеке. Дворовые девки, бабы разводят шуры с солдатами, кланяются офицерам. Простой люд – польское население живёт в селах, местечках. Городов видел мало еще: Холм и Люблин только. Но больше всего так называемых колоний. Колония – это непрерывные выселки, хутора, везде разбросанные домики, хозяйства крестьян. Польша в земельном вопросе заимствовала систему ферм в США, подражая заокеанской цитадели буржуазной демократии. Колонии – это фермы. Заходишь в домик, хозяйка-полячка приветливо встретит, угостит, накормит, предложит чистую мягкую постель. Хозяин настороженно держится, предчувствуя скорый призыв в армию. В общем, встречают нас радостно и живут здесь неплохо. В Холме мне в машину кроме уймы цветов, папирос, конфет и прочей дребедени какая-то красотка подарила целый сук, срубленный с вишневого дерева. Мы кушали вишни с этого сука впятером в течение 2 часов, так велик здесь урожай.

Город Львов явил для меня тяжелую картину войны. Перед въездом во Львов, на его окраине я увидел впервые такой гигантский концлагерь для рабов у фрицев. Бараки бесконечными вереницами за густой стеной из колючей проволоки. По углам лагеря дзоты с амбразурами для пулеметов. В этом лагере какой-то Курц Зелингер организовал производство глиняных водопроводных труб. Штабеля готовой продукции сверкают обожженным глянцем на солнце. Мы въезжаем в сам город Львов. Движутся тысячи машин, повозок, орудий, людей на запад, на фронт. Гремит авиация. Пыль, как туман, окутывает нас от несущихся авто, танков, тракторов с орудиями. Все улицы Львова загружены горами разбитой и сожженой военной техники отступающих фрицев. Особенно невыносимо зрелище массы трупов лошадей, запрудивших весь Львов и все дороги от Буга до Вислы. Зловоние от них непередаваемо. Дома во Львове многие разбиты, многие взорваны убегавшими гитлеровцами. Обочины прекрасного шоссе из Кирпича до Львова и за Львовом изрезаны советскими танками во время танковых боев. Их гусеницы таких следов наделали по сторонам дорог, что невольно представляешь, какой ужас они наводили на немецкие банды. Эти танки делает твой папа, Люся, и многие наши труженики тыла. Спасибо им от нашего фронта за замечательные танки. На мои трактора с громадными орудиями жители всегда от мала до стара смотрят с восхищением. Рокочут мои «Катерпиллеры», мы движемся на Вислу, откуда и пишу эти строки. Люся, милая, вот кратко несколько представлений далеко неполных о моих маршах. О боях расскажу в следующих письмах.

Здесь, в этой землянке вчера ещё мне вручили письмо от тебя, написанное спешно карандашом где-то в садике перед вашим домом в перерыве между подготовкой к очередному экзамену. Вот уже 2 письма от тебя искренних, хороших. Целую тебя, дорогая, за них 10000000000 раз! В том письме была миниатюрка, а в этом чуточку большая твоя фотокарточка. Благодарен и признателен тебе, моя любимая, за них от всего сердца. Первое же письмо, полученное от

тебя, меня огорчило и сгоряча я отослал его тебе обратно. Сделал глупо и об этом я объяснился в предыдущем письме. Ты, конечно, чистосердечно простишь мне это и забудешь навсегда.

Из дому тоже изредка получаю письма. Мать слаба и живет материально крайне тяжело. Помогаю ей, как могу. Если бы принимали посылки, я бы выслал тебе, Люся, какой-нибудь подарок. Но лучше всего, чтобы нам скорее встретиться невредимыми.

Сожалею, что ты не сообщила мне адрес В. Ярчука. В следующем письме не забудь сообщить.

На этом кончаю, так как сейчас переезжаем на другое место. Сообщай, как закончила экзамены, как проводишь каникулы, сколько они будут длиться, какие новости там у вас, как твоё здоровье и моральный дух, как папа, мама, Никола, Аля, Лида с мамой и т.д. Привет им от меня и наилучшие пожелания.

Будь здорова, миленькая, и верна своей чистой совести. Обнимаю горячо тебя, Люся, и желаю успехов.

Стива

Письмо от 10 августа 1944 года

10 августа 1944 г.

(28)

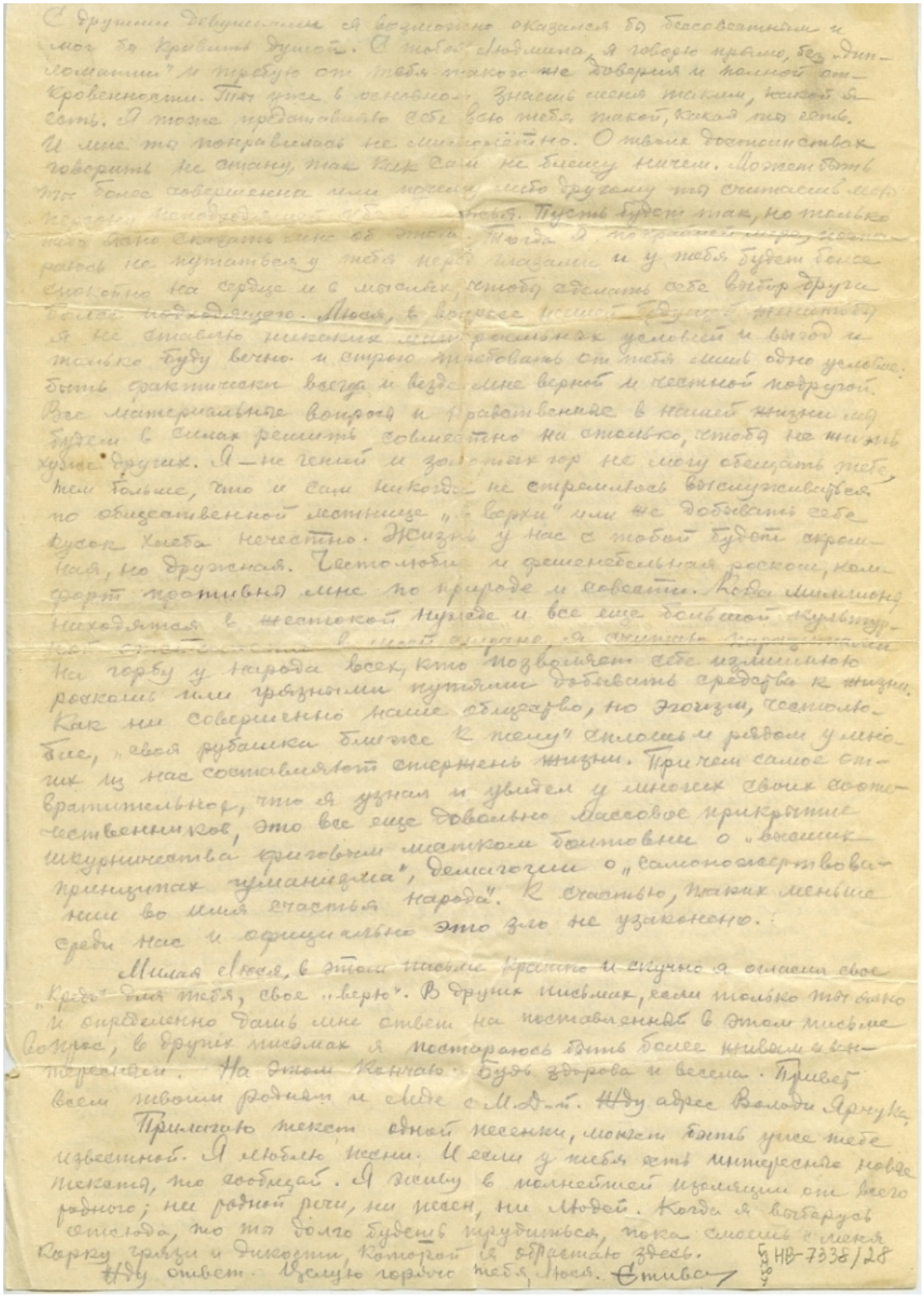
Дорогая Люся, добрый день!

Привет из-под Варшавы, от берегов далекой Вислы!

Твое маленькое письмо, писанное перед уходом из Челябинска на с/х работы, получил, за что от всей души благодарен тебе. Оно такое ласковое и хорошее, что опять хочется еще крепче, пламеннее любить, петь и веселиться. Письмо то, о котором ты упоминаешь, как о „грубом" ответе на свою злополучную записку, я еще не получил. А если и получу, то не обижусь и забуду этот факт, как случайное недоразумение.

Милая Люся! В основе долголетия, вечности всякой любви и дружбы у людей, по-моему, лежит одно, очень редкое у людей качество — это умение в случае житейского конфликта понять взаимно друг друга, чуткой с тактом в нужный момент уступить один другому, избегать упрямства и беспринципной мелочности, которыми переполнена наша жизнь. Ведь так или иначе, и в силу законов диалектики жизни даже любовь невозможна без конфликтов, так как всё имеет свою обратную сторону, свою противоположность, с которым оно находится в противоречии и эти противоречия снимаются, отмираютъ лишь в процессе смертельной борьбы добра со злом, нового со старым, прогрессивного с реакционным. Таковы движущая сила развития природы и человеческого общества. Так, например, в природе день борется с ночью (свет со тьмой) тепло с холодом, жизнь со смертью, молодое со старым. То же и у людей и в обществе. Дружба имеет своим противоречием вражду, любовь — ревность и ненависть, вежливость — грубость, чуткость и такт — невежество и самодурство. Таким образом, и в наших взаимоотношениях, Люся, неизбежны будут „пятна на солнце" по разным причинам. Важно лишь и я и ты как можно реже были предусмотрительны и не давали повода к омрачению и пятнам в нашей светлой дружбе. А если иногда и возникнет тобой-либо какое недоразумение, то вперед будем хладнокровны и уступчивы один к другому, если это будет факт малозначительный только и не будет затрагивать основу и честь нашей дружбы.

Милая Люся, если это все тебе покажется почему-либо тщеславным нравоучением или неуместной моралью, то ты запасись терпением и пойми, что я лишь выказал тебе свою точку зрения, свой взгляд и решимость придерживаться его в таком коренном вопросе жизни, как отношения с своей ясной, для информации тебя. И не больше. Свои взгляды, свое мировоззрение я никогда не буду тебе навязывать, так как считаю тебя равной и имеющей наилежащие оформившийся характер и мировоззрение. Я тоже смогу вкладать в ответ и твой долг поправлять меня в таких случаях. Хотя до сих пор от тебя, Людмила, все еще нет ясного согласия, но я считаю навсегда тебя своей подругой жизни, невестой, будущей женой. Только при этом условии я согласен вообще знать тебя. И если ты к этому не готова, не согласна, то лучше напиши открыто и мы будем квиты. Жду по этому вопросу обстоятельный и ясный твой честный и правдивый ответ. До сих пор ты уклонялась от такого ответа либо молчанием, либо отговоркой, что вопрос замужества ты не согласна решать через письма. Но что я могу поделать, когда мы вынуждены пока жить в разлуке! Откладывать на этот вопрос я не буду, так как я уже вышел из рамок пора романтизма, из возраста золотых грёз пушкинской поэзии. Переписываться с тобой так-себе у меня нет никакого желания. Обдумай и или напиши ответ, или не отвечай.



10 августа 1944 года

Дорогая Люся, добрый день!
Привет из-под Варшавы, от берегов далекой Вислы!

Твоё маленькое письмо, писанное перед уходом из Челябинска на с/х работы получил, за что от всей души благодарен тебе. Оно такое ласковое и хорошее, что опять хочется ещё крепче, пламеннее любить, петь и веселиться. Письмо же, о котором ты упоминаешь, как о «грубом» ответе на мою злополучную записку, я еще не получил. А если и получу, то не обижусь и забуду этот факт, как случайное недоразумение.

Милая Люся! В основе долголетия, вечности всякой любви и дружбы у людей, по-моему, лежит одно, очень редкое у людей качество – это умение в случае житейского конфликта понять взаимно друг друга, чутко и с тактом в нужный момент уступить один другому, избежать упорства и беспринципной мелочности, которыми переполнена наша жизнь. Ведь так или иначе, а в силу законов диалектики жизни, даже любовь невозможна без конфликтов, так как всё имеет свою обратную сторону, свою противоположность, с которым оно находится в противоречии. И эти противоречия снимаются, отмирают лишь в процессе смертельной борьбы добра со злом, нового со старым, прогрессивного с реакционным. Такова движущая сила развития природы и человеческого общества. Так, например, в природе день борется с ночью, свет со тьмой, тепло с холодом, жизнь со смертью, молодое со старым. То же и у людей, и в обществе. Дружба имеет своим противоречием вражду, любовь – ревность и ненависть, вежливость – грубость, чуткость и такт – невежество и самодурство. Таким образом, и в наших взаимоотношениях, Люся, неизбежно будут «пятна на солнце», по разным причинам. Важно, чтобы и ты, и я – оба мы как можно всячески были предусмотрительны и не давали повода к омрачению и пятнам в нашей светлой дружбе. А если и возникнет когда-либо какое недоразумение, то вперед будем хладнокровны и уступчивы один к другому, если это будет факт малозначительный только и не будет затрагивать основу и честь нашей дружбы.

Милая Люся, если это всё тебе покажется почему-либо тошнотворным нравоучением или неуместной моралью, то ты запасись терпением и пойми, что я лишь высказал тебе свою точку зрения, свой взгляд и решимость придерживаться его в таком коренном вопросе жизни, как отношения со своей женой, для информации тебя. И не больше. Свои взгляды, своё мировоззрение я никогда не буду тебе навязывать, так как считаю тебя равной и имеющей надлежаще оформившийся характер и мировоззрение. Я тоже могу впадать в ошибки и твой долг поправлять меня в таких случаях. Хотя до сих пор от тебя, Людмила, все еще нет ясного согласия, но я считаю навсегда тебя своей подругой жизни, невестой, будущей женой. Только при этом условии я согласен вообще знать тебя. И если ты к этому не готова, не согласна, то лучше напиши открыто, и мы будем квиты. Жду по этому вопросу обстоятельный и ясный твой честный и правдивый ответ. До сих пор ты уклонялась от такого ответа либо молчанием, либо отговоркой, что вопрос замужества ты не согласна решать через письма. Но что я могу поделать, когда мы вынуждены пока жить в разлуке! Откладывать же этот вопрос я не буду, так как я уже вышел из рамок поры романтизма, из возраста золотых грез, туманной юности. Переписываться с тобой так – себе у меня нет никакого желания. Обдумай и или напиши ответ, или не отвечай.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.